

возросла с 20% до 25%. В то же время примерно на 5% сократилось число выпускников, придерживающихся нравственно осознанной позиции [3, с. 42]. Четвертая часть опрошенных выпускников считают, что с другими людьми необходимо устанавливать товарищеские отношения, основанные на взаимопомощи.

Более высокая оценка выпускниками лицеев и гимназий межличностных отношений в школе не означает, что выпускники обычных школ хуже подготовлены к жизни. Для них школа представляет меньший интерес и меньшую ценность, чем для выпускников "новых" типов школ. Вероятно, их подготовка к жизни осуществляется в большей степени за пределами школы, поэтому ценность межличностных отношений в школе для выпускников обычных школ невысока. За последние годы школа значительно изменилась. Вопреки провозглашенным ценностям "личностной педагогики" на первый план выступают статусные характеристики, во многом определяющие оценку выпускниками межличностных отношений в школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добрович А.Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М, 1987.
2. *Коган Л.Н.* Социология культуры. Екатеринбург, 1992.
3. *Выпускник-97.* Социальный портрет выпускника Санкт-Петербургской школы 90-х годов / Под ред. С.Г. Вершловского. СПб., 1997.
4. *Нечаев В.Л.* Социология образования. М., 1992.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
6. *Бодаев А.А.* Личность и общение. М., 1983.

И.И. ШУРЫГИНА

БЕДНОСТЬ И КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

В 1997 году в рамках исследования "Формирование субкультуры бедности в постсоциалистической России"¹ автор взяла 13 интервью в Москве и 13 в Иваново. Опрашивались семьи, имеющие среднедушевой месячный доход ниже прожиточного минимума в данном регионе.

Бедность означает не только недостаток денег, но и ограниченность жизненных шансов и ресурсов, в частности жилищных условий. Квартира – это в первую очередь материальная ценность, недвижимое имущество. Ее можно продать, обменять с доплатой на меньшую или сдать, улучшив тем самым материальное положение семьи. Но значение квартиры как жизненного ресурса ее стоимостью не исчерпывается. Квартира, а точнее район, в котором она находится, – разновидность социального капитала [1]. Например, если в районной школе есть хороший лицейский класс, то ребенок имеет преимущество в доступе к высшему образованию. Это особенно важно для бедных семей, которым недоступны платные школы и репетиторы. Собственное жилье – это и "пространство частной жизни", необходимое как для того, чтобы родители могли передать детям свои моральные и культурные ценности, так и для самого существования семьи [2].

Шурыгина Ирина Игоревна – научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского 24/35, строение 5; телефон: (095) 125-80-19; факс: (095) 719-07-40.

¹Исследование финансировалось фондом Сороса (проект № 750/1997).

В современной России связь между жилищными условиями и бедностью неоднозначна. С одной стороны, в 1991 году официально бедные и относительно состоятельные семьи часто практически не отличались друг от друга по размеру занимаемой жилплощади [3]. До некоторой степени такое положение сохранилось по сей день, например, среди опрошенных 26 семей 15 имеют собственное отдельное жилье, которым вполне удовлетворены. Владельцами квартир респонденты стали еще при советской власти типичными для того времени способами: получили от государства или предприятия, купили кооператив и, наконец, к некоторым из опрошенных квартиры перешла от родителей. Обладание хорошей квартирой субъективно уравнивает ее малообеспеченных владельцев с семьями материально благополучными, но вынужденными приобретать себе жилье сейчас, покупая его по рыночным ценам.

С другой стороны, плохие жилищные условия усиливают ощущение бедности. По данным ВЦИОМ, среди семей, считающих себя бедными, не удовлетворены своими жилищными условиями 74% против 55% в среднем по массиву [5]. До 90-х годов квартирный вопрос, хотя и плохо и медленно, но решался. И в этом смысле бедность не казалась фатально непреодолимой. Сейчас же этот канал по крайней мере частичного преодоления бедности представляется людям полностью закрытым, и бедность начинает восприниматься как нечто принципиально непреодолимое [5]. Более того, как показывают истории семей, не успевших стать владельцами квартир до 1991 года, такое представление о принципиальной невозможности решения квартирного вопроса усиливает дезорганизацию общества, что, в частности, проявляется в утрате значения прежних привычных способов поведения [3]. Чтобы стать владельцами квартир, люди переходили на хуже оплачиваемую работу на предприятия, где обещали дать квартиру, копили деньги на кооператив, одна из респонденток даже родила "лишнего" ребенка: *"Я говорю, ну чего, Юра (муж), третьего – давай уж. Может, квартиру побыстрее получим, чтобы своей семьей жить"*. Многие вспоминают, насколько близка была цель: *"Я в очереди первая стояла"*; *"Раньше таким семьям всегда давали квартиры"*. Изменившиеся внешние обстоятельства свели на нет все усилия: *"В перестройку, как раз я первая так и стояла, но дом, который строился для нас, стали продавать. – Пожалуйста, покупайте квартиры. – Но где же я деньги возьму?"*. *"И остались там (в кооперативе) только "новые русские", наверное. Нас всех оттуда отчислили"*. Респонденты говорят об обманутых ожиданиях: *"Я больше никому не верю"*. Те, кто все же получил квартиру, часто упоминают о том, что они "успели", что им "повезло", и потому их рассказы оборачиваются историями о том, как награды за затраченные усилия превращаются в простое везение. Таким образом, обладание квартирой, равно как и нерешенность жилищной проблемы, означают для семьи нечто большее, чем просто более или менее комфортные условия жизни или отсутствие таковых. Если удовлетворенность жилищными условиями до некоторой степени сглаживает в сознании человека грань между ним и относительно обеспеченными социальными слоями, то лишение возможности улучшить жилищное положение, напротив, усиливает чувство социальной депривированности и способствует развитию социальной напряженности в обществе.

Возможность извлечения доходов из квартиры респондентами почти не используется – скорее всего, люди, сдающие квартиры (наиболее распространенный способ получения дохода от недвижимости), не попали в выборку потому, что их доходы превышают прожиточный минимум. Одна из опрошенных упоминает о таком способе "выживания", распространенном среди ее знакомых (сама она его не использует): *"В основном представителей творческой интеллигенции выручает только наличие лишней квартиры. Сдают квартиру какого-нибудь родственника, съезжают на какое-то время все рядом и потом на эти деньги они живут"*.

То, что респонденты не используют квартиры в качестве потенциального источника дохода, трудно оценить однозначно. С одной стороны, это может быть связано с

неумением использовать новые рыночные механизмы для выживания в трудный для семьи период. С другой – в этом может выражаться неосознанное чувство социального самосохранения – с ухудшением жилищных условий семья рискует тем, что ее уровень жизни и социальное положение резко снизятся. Кроме того, нежелание малообеспеченных семей обмениваться имеющимся у них жильем на меньшее по площади или на находящееся в худшем районе замедляет формирование в городах трущоб, где высокая концентрация депривированных слоев способствует формированию субкультуры бедности.

Только две обследованные семьи реализовали возможность извлечь доход из жилья, причем мотивы и результаты этого прямо противоположны. Одна из матерей (высшее образование, научный сотрудник) живущая с дочкой в полностью благоустроенном коттедже в сельской местности, сдает его летом очень недорого знакомым, перебираясь на это время в дом своей бабушки, расположенный неподалеку. Но главное тут не вырученные деньги, а то, что съемщики могут давать бесплатно уроки дочери, подготавливая ее к поступлению в институт. Таким образом, в данном случае речь идет о приобретении не столько материального, сколько социального и культурного капитала.

В другом случае отец-алкоголик (строительный рабочий, среднее общее образование) сначала выгнал из квартиры жену с детьми, которые уехали в Ярославль, где живут родители жены. В результате жена потеряла работу в Москве (она была продавщицей), а сын-школьник сменил благополучную столичную школу в Москве на более слабую школу в Ярославле и попал в неблагоприятное окружение сверстников: *"Там все в школе хулиганами считаются. Там почти каждый день что-то происходило. На уроках вообще, если учительница молодая, не слушают, шуметь могут... Вообще, хуже некуда. По подвалам сидят с друзьями, все такое... Они в подвале собираются, один раз их милиция засекала. Магнитофон стоял у них там, покрывки они откуда-то взяли, все такое"*. В Ярославле мать пошла работать на стройку и получила двухкомнатную квартиру, в которой и жила с сыном и старшей дочерью от первого брака. "Глава семьи" бросил работу, продал квартиру и быстро "прогулял" вырученные за нее деньги. После этого он поехал к семье в Ярославль, где не смог найти работу, и мать, отец и сын спустя два года вернулись в Москву. Сейчас они живут с матерью мужа в трехкомнатной квартире, и ни один из супругов не имеет работы (а жена – и московской прописки). Мальчик вернулся в прежнюю школу, где ему очень трудно учиться: *"Я постоянно с уроками задерживаюсь, до восьми, до девяти. Раз школа слабее, я там съехал"*. В этом случае попытка "обналичить" имеющийся в виде квартиры капитал привела не только к потере самого капитала, но и к утрате социального положения членами семьи. С другой стороны, от всего происшедшего выиграла старшая дочь, которая осталась жить в квартире матери в Ярославле, где учиться в педагогическом институте. Она получила не только двухкомнатную квартиру, но и возможность добиться независимости и избавиться от влияния своей маргинальной семьи, что было бы гораздо труднее, если бы семья все время оставалась в Москве.

Значение, которое имеет для семьи обладание собственным жильем, особенно хорошо показывают истории семей, жилья не имеющих. В большинстве случаев респонденты говорят о тесноте, о том, что невозможно отдохнуть, что накапливается взаимное раздражение. Но, как уже отмечалось, отсутствие собственного жилья – это больше, чем просто дискомфортные условия жизни. Помимо прочего, жилищные условия во многом связаны с той стратегией выживания, которую выбирает семья.

Показательна в этом смысле история семьи военнослужащего, вынужденной переехать с Украины в Иваново и потерявшей из-за этого квартиру: *"А квартиру как мы сдавали – в один день. Я выхожу из этой квартиры – ее сразу опечатывают, дают мне справку, что я сдала жилье. Я ее сдала, а здесь-то ничего не получила"*.

Первое следствие утраты жилья, с точки зрения рассказчицы, которую зовут Нина Петровна (бухгалтер, среднее специальное образование), – распад семьи: *"И жизнь у меня вообще вкрутую повернулась, потому что с мужем у нас все отношения... Все только получилось из-за этого, потому что мы жили в такой маленькой комнате. На службе у него не ладилось, он начал выпивать... Все, все собралось в кучу"*. Развод в свою очередь означает и утрату социальной позиции жены офицера, следовательно отсутствие какой-либо социальной поддержки, причем положение осложняется плохой репутацией мужа: *"Ходила в часть, узнавала... Меня еще и нахалкой обозвали. Я попросила – я говорю мне не надо, я не пришла у вас квартиру просить – дайте хоть общежитие, хоть комнату дайте... Даже когда он (муж) уезжал, я просила у них комнату дать, чтобы мне вот так вот не оказаться. Сейчас у меня хоть комната была бы – я могла бы что-то требовать. Сейчас я вообще ничего не имею. Все зависит от "он служил, плохо служил" и такое же отношение ко мне. Хотя я не при чем"*.

Нина Петровна с тремя детьми снимала квартиру, деньги на это были потому, что бывший муж, в конце концов вынужденный выйти в отставку, честно поделился с женой выходным пособием. Но деньги кончаются, и положение становится еще тяжелее: *"Мы платим 500 тысяч за двухкомнатную квартиру. Но в декабре вот у нас уже договор кончается. Мы сняли до декабря, а теперь с декабря нам надо что-то искать и, видимо с декабря нужно что-то искать подешевле. Потому что у нас были какие-то запасы – сейчас их нет"*.

Единственная надежда – на квартиру в Кинешме, оставшуюся от недавно умершей матери: *"У меня – мечта одна сейчас: мамину квартиру, если братья у меня откажутся, я хочу ее продать или обменять, потому что дети у меня в Кинешму не хотят ехать – там еще хуже положение, и, тем более, у нас здесь работа, здесь у нас все-таки есть какие-то знакомые, и здесь, все-таки, можно купить какой-то домик, небольшой, потому что на квартиру денег не хватает. Там продам я квартиру, а здесь я не куплю квартиру двухкомнатную. А если уже ничего не будет получаться, то придется, наверное, переезжать туда, в Кинешму. Устраиваться на работу, устраивать все заново. Такие у меня планы на будущее"*. Но переезд связан с уменьшением жизненных шансов для детей: *"Вообще-то, вот хотелось, чтобы Дима (сын) закончил эту школу, потому что он учится хорошо, здесь лицейские классы есть. Хотелось, чтобы он сразу поступил, потому что здесь сразу экзамен и сразу – вступительные в институт. Мне нравится директор этой школы. Поэтому не хочется никуда детей срывать"*.

Интересно, что позиция дочери респондентки (уже окончившей педагогическое училище и работающей учительницей младших классов) похожа на позицию Вероники – строить свою жизнь самостоятельно, отделившись от семьи, которая ей ничем помочь не может. При этом одинаков и способ, которым девушки могут добиться независимости, – остаться на месте, несмотря на то, что семья переезжает. Но в этом случае мать, для которой распад семьи равнозначен жизненному краху, не может принять позицию дочери: *"Раз у меня большая семья, я должна их всех держать вместе. Иначе – что за семья? Мужа нет, дочку я здесь оставляю, потом сын уедет. И что? И ничего"*. Немаловажно для матери и то, что без поддержки старшей дочери ей "не поднять" младших: *"Мне не хочется, чтобы мои дети куда-то далеко уезжали от меня. Мне хочется, чтобы мы жили все вместе. Чтобы мы вместе могли решать какие-то проблемы. Сейчас я не уезжаю в Кинешму, потому что я хочу уговорить свою дочь, что мы вместе сможем... Но только вместе. Я одна там буду биться, как рыба об лед. А так мы будем вместе. Мы все решим. Все сделаем. А мне уже тяжело. Потом Миша (сын) подрастет. Потом мы станем на ноги и все"*. Таким образом, в семье Нины Петровны существуют две разнонаправленные жизненные стратегии. Мать считает, что для выживания семьи необходимо объединить

усилия всех ее членов, а старшая дочь стремится к отделению. При этом позиция дочери укрепляется отсутствием квартиры.

История следующей семьи показывает, как отсутствие своего жилья ускоряет уход старших детей из семьи. Елена с мужем и двумя сыновьями занимает одну комнату в квартире свекрови; в другой живет свекровь с мужем – отчимом супруга Елены. По сути дела, это вариант коммунальной квартиры – две семьи, хотя и проживают вместе, общего хозяйства не вводят: *"Его родители не помогают. Они даже за внучат их не считают"*. Бедность (Елена – санитарка в больнице, ее муж по профессии водитель, сейчас не имеет работы и семья буквально голодает (*"Иной раз я на кухню не выхожу, – только вскипятить чайник – и все. Потому что незачем. Зачем на кухню выходить?"*)). Старшая дочь рано, в 18 лет, вышла замуж, а младшая, тринадцатилетняя летняя, живет в интернате: *"Со свекровью у нас не ладится, у нас очень крупные скандалы бывают, это на детей влияет. Почему мы старшую девочку и отправили в интернат. Она же у меня первый класс начала учиться очень хорошо. Учительница приходила – удивлялась. Говорила, надо-же, у Лены учиться негде, а она – учится. А потом, во втором классе она у меня совсем по-другому. На них очень влияют скандалы, она слушает учительницу, а сама не понимает, она просто смотрит на нее"*.

В отличие от Нины Петровны, Елена сама способствует отделению детей от семьи, так как считает, что для них это благо: *"Девочка в интернате, в седьмом классе, я ее просто случайно тогда в интернат устроила, мне предложили, я – моментально. И поэтому у нее получилось, что она в седьмом классе... Вот сейчас она исправилась. Она там учится хорошо, она там всем занимается, она музыкой занимается, она вязанием занимается, парикмахерскому делу она занимается, она во все кружки записана. Она говорит, мама, я там спокойна"*. Такая стратегия – необходимость, продиктованная не столько бедностью, сколько отсутствием жилья: *"Я получила бы квартиру (если бы не реформы), жила бы со своей семьей отдельно. Пускай бы у меня денег меньше было, хватало бы лишь на хлеб и на песок, но зато свое жилье... У детей была бы своя комната, дочка бы не попала бы в интернат, у нее тоже была бы своя комната. Они бы сами занимались, каждый в своей комнате, никто бы им не мешал, в тишине и спокойствии делали бы уроки"*.

Таким образом, отсутствие жилья, затрудняя выживание семье в целом, способствует раннему отделению старших детей и выработке у них собственной, отдельной от семьи жизненной стратегии, которая может (по крайней мере по их мнению) вывести из бедности. С другой стороны, слишком ранний выход из под контроля родителей может привести и к социальной деградации детей.

Галина после развода оставила квартиру в Чите мужу и с двумя детьми вернулась в Иваново, где в небольшой двухкомнатной квартире жили ее мать с сестрой Ниной (и Галина и Нина имеют высшее образование, работают учителями в средней школе). Все три женщины (интервью они давали вместе) рассматривают это как воссоединение семьи: Галина: *"3-х комнатная квартира у нас была. Разошлись, уехала, так все и осталось"*. Вопрос: *"А почему квартира осталась у него?"* Галина: *"А вот мы такие, собрались и поехали. Я считаю ниже своего достоинства... Обстановка была сложная, но мыслей не было разменять. Нас мама правильно воспитала в каком плане: некрасиво делить это все. Я собрала детей, самое дорогое, что у меня было – детей, и уехала. Нина: "Ведь она знала, что здесь ее примут. Ее ждали"*. Галина: *"Потом, я домой ехала"*. Теснота очень осложняет жизнь всем членам семьи: *"Все-таки территория у нас мала, если бы было у нас у всех по комнате, так бы у нас меньше было проблем. Очень часто из-за этого спорим: "Мальчишки, выключите телевизор!" Нас уже все раздражает. Мальчишкам хочется посмотреть – бабушке пора отдыхать. Конфликты бывают из-за того, что тесновато нам, что нам негде отдохнуть"* (Нина), но в совместной жизни есть и свои плюсы. Первый

состоит в возможности более экономного ведения хозяйства: "Где-то она поэкономит, где-то она подешевле купит, где-то сготовит. Только за счет мамы находим выход из положения" (Галина). Но самое главное – это то, что одной зарплаты Галины не хватило бы на жизнь ей и детям. Галина: "Если бы не сестра, просто я бы своих мальчишек не подняла. Конечно бы об учебе сына в институте не могло быть речи и вообще, конечно, давно бы вымерли. Вместе легче жить. Если бы не они (мать и сестра), я не знаю, что бы я делала. Потому что все делим пополам, все. Внимание детям – только за их счет. На мою скудную зарплату невозможно было, конечно, выжить". Нина: "Когда 2 зарплаты, конечно, легче".

Таким образом, отказ Галины от собственной квартиры связан с необходимостью мобилизации сил семьи с целью выжить и "поднять" ее детей. По сути дела, эта более радикальный вариант стратегии, о которой упоминает одна из респонденток, ссылаясь на своих знакомых: *"Сдают квартиру какого-нибудь родственника, съезжаются на какое-то время все рядом и потом на эти деньги они живут"*. В отличие от семьи Нины Петровны, у этой есть, хотя и очень тесное, жилье, что и делает такую мобилизацию возможной. В этом случае не жилищные условия определяют стратегию выживания семьи, а наоборот, уже сформировавшаяся стратегия, предполагающая отказ Галины от своего жилья, формирует жизненное пространство всей семьи.

В историях семей Нины Петровны и Елены прослеживается осознание квартиры в качестве пространства частной жизни, отсутствие которого ведет к распаду семьи. Особенно четко это понимает Елена, для которой обладание собственным жильем представляется решением чуть ли не всех проблем семьи: *"Я бы и на коммунальную согласилась, была бы лишь ванная, чтобы я могла детей помыть. Не в баню всей семьей идти, а в ванной помыть – и все. Пускай с соседями. Я и на это бы пошла. Но отдельно, отдельно".* Однако оказалось, что ценность обладания отдельным пространством не есть нечто само собой разумеющееся, она не одинакова для разных семей и зависит от наличия культурного капитала. Так, в одном случае вынужденная жизнь в рабочем общежитии, превратившемся в типичные трущобы, действительно означает опасность утраты контроля над дочерью, риск того, что она попадет под влияние неблагоприятного окружения.

Юрий (муж): *"Здесь микрорайон неблагополучный, здесь рядом школа, там другие дети совершенно. Мне пришлось работать в других школах, как небо от земли дети отличаются по уровню, по воспитанию, более интеллигентные, чем в этом районе. Плохая это школа, мягко говоря, бандиты. Но что здесь? Шелковый комбинат, ткачихи. Каждую субботу и воскресенье здесь начинается... Когда дают зарплату, 2-3 батона колбасы она тащит, в сумке водка, что-то там еще – счастливые! Вот эти пролетарии сейчас сидят злые все".*

Валентина (жена): *"Тяжело им. Нам вот выдают зарплату, хоть маленькую, а им месяцами не выдают. Жилищные условия такие же, а то и хуже. Вот в такой комнате могут жить с двумя детьми, а может и с тремя. Люди-то жили временно здесь, жилье ждали. Сколько незавершенного жилищного строительства на комбинате! Люди же ждали: вот-вот должны квартиру получить, а теперь они остались на всю жизнь здесь. Здесь они никогда не получают, потому что, чтобы получить квартиру, надо ее купить, а для этого нужны миллионы. Все в отчаянии. Есть, конечно, кто приторговывает, так основной массе материально очень трудно, тяжело".*

В другом случае, наоборот, переезд из общежития в отдельную квартиру воспринимается как утрата социального контроля над мужем, которого теперь ничего не сдерживает: *"В общежитии жили тогда, там народу очень много, молодежь в основном, и все в больнице работали (медсестры), все друг друга знали. Там жили очень дружно. Там повеселее было, а потом, там же общежитие все узнает. А здесь он меня начал бить" (жена – медсестра, муж – слесарь-сборщик).*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трущенко О.Е.* Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве М., 1995.
2. *Берто Д.* Трансмиссия социального статуса в экстремальных ситуациях // Судьбы людей: Россия XX век. М., 1996.
3. *Воронков В., Фомин Э.* Типологические критерии бедности // Социологический журнал, 1995. № 2. С. 59.
4. *Гордон Л., Терехин А., Будилова Е.* Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным мониторинга экономических и социальных перемен) // Социальные и экономические перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1. С. 51.
5. *Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Еремичева Г., Соловьева Н., Травин И.* Стратегия выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2.

В.Д. ПАТРУШЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ И БЮДЖЕТЕ ВРЕМЕНИ ПЕНСИОНЕРОВ

Пенсионеры по старости и инвалиды – весьма многочисленная социальная группа населения России. Их численность в 1996 году составила 35 млн. 935 тыс. человек, причем это наиболее социально незащищенные, испытывающие огромные трудности люди. Размер пенсии у многих ниже официального прожиточного минимума. Средний размер пенсии в 1996 году составил 319,7 тыс. руб., а минимальный, назначаемый по старости, – 190,4 тыс. руб. Прожиточный же официальный минимум пенсионера был равен 260,5 тыс. руб [1].

Статья основана на результатах обследования населения г. Пскова в 1995 году. Было опрошено 713 человек в возрасте 18 лет и старше. Среди них работающие и неработающие пенсионеры и инвалиды (в дальнейшем – пенсионеры) составили довольно многочисленную группу – 121 человек неработающих и 49 работающих. Это 23,8 % от числа всех опрошенных горожан. Среди неработающих пенсионеров 36,4% – мужчины и 63,6% – женщины. Доля инвалидов среди них составляет 9,1%, остальные – это лица старше 55 (женщины)-60 (мужчины) лет. Образовательный уровень неработающих пенсионеров довольно высокий: 10% из них имеют общее среднее образование, 30% – среднее специальное и незаконченное высшее, 20,8% – высшее образование. Среди обследованных одинокие (в основном женщины) составляют 12,4%, живущие с женой (мужем) – 46,3%, остальные – с детьми или родственниками. Среди попавших в выборку работающих пенсионеров соотношение мужчин (32,7%) и женщин (67,3%) примерно такое же, как и среди неработающих. 53,8% работающих пенсионеров в возрасте 55-59 лет, 28% – 60-64 лет и лишь 17,2 % – в возрасте 65-69 лет. 17,6% из них имеет неполное среднее образование, 31,4 % – среднее специальное, 31,4% – высшее образование. Живущие одни или только с женой

Патрушев Василий Дмитриевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского, д.34/35, строение 5; телефон: (095) 719-09-40; факс: (095) 719-07-40.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-03-04342).